

ПРОБЛЕМЫ И ФОРМЫ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РАЗЛИЧНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ (концепция нелинейного развития политического насилия)

*Арман Мартиросян**

Введение

Известно, что агрессия с позиции социальной психологии понимается как особая форма социального поведения, которая, с одной стороны, формируется социальным миром индивида, а с другой – воздействует на этот социальный мир и его обитателей. Следовательно, при рассмотрении проявлений агрессии основное внимание будет уделяться агрессивному поведению в социальных отношениях между индивидами или группами. Это значит, что прочие формы агрессии, такие как аутоагрессия, психопатологические формы агрессии или деструктивное поведение по отношению к материальным объектам, особому рассмотрению подлежать не будут.

Пагубность агрессивного поведения и его воздействие на состояние общества и государства неувидительны. И естественно, что поиск объяснений того, почему люди его проявляют, всегда имел наибольшее значение в исследовании агрессии. В книге «Социальная психология агрессии» [2] Б.Крейхи, рассматривая теорию агрессивного поведения индивида, отмечает, что отсутствие одной всеобъемлющей теоретической модели агрессивного поведения и поиск объяснений того, почему люди его проявляют, породили множество теоретических подходов, каждый из которых рассматривает различные механизмы, задействованные в проявлении агрессивного поведения. Однако, обобщая имеющиеся подходы, Крейхи предлагает обсудить их основные идеи в виде двух основных целей:

* Доцент кафедры прикладной политологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

а) зафиксировать разнообразие имеющихся объяснений агрессивного поведения, на которых основана значительная доля исследований агрессии и без которых любое обращение к этой области было бы неполным;

б) сформулировать общий набор теоретических конструктов, к которым обращаются исследователи, пытающиеся объяснить самые разные формы агрессивного поведения.

В качестве отправной точки перечислены основные теоретические подходы к изучению агрессии, указывается, как понимается агрессия с их точки зрения, а также какое значение они придают устойчивости и изменчивости агрессивного поведения. Теоретические объяснения агрессии представлены таблицей:

Теоретический подход	Агрессия понимается как...	Акцент на стабильности (С) или изменчивости (И)
Биологические объяснения		С
Этология	...внутренняя энергия	С
Социобиология	...продукт эволюции	С
Генетика поведения	...наследственная предрасположенность	С
Психологические объяснения		
Фрейдский психоанализ	...инстинкт разрушения	И
Фрустрационная теория агрессии	...целенаправленное побуждение	И
Когнитивный неассоцианизм	...реакция на отрицательные эмоции	И
Модель переноса возбуждения	...подкрепленная нейтральным возбуждением	И
Социально-когнитивный подход	...функция переработки информации	И
Теория научения	...возникающая в результате научения через подкрепление и подражание	И
Модель социального взаимодействия	...результат процесса принятия решений	И

Если первые три подхода основаны на биологических понятиях и принципах, то в остальных объяснениях используются психологические критерии. Их можно рассматривать как конкурирующие или даже взаимоисключающие, однако в большинстве случаев их нужно трактовать в качестве взаимодополняющих подходов, изучающих различные аспекты агрессии как сложной формы социального поведения. Как известно, мнения о причинах склонности индивидов к агрессивным реакциям и процессах, которые приводят к агрессивному поведению, существенно расходятся. И поэтому с учетом современных требований рассмотрение фрустрационной теории агрессии было бы неполноценным без привлечения возможностей матанализа.

Известна роль ключевых раздражителей, усиливающих агрессивные типы реакций, или раскрепощающее воздействие алкоголя, а также мощные ситуационные факторы, выступающие как детерминанты поведения. Поэтому для правильной оценки детерминанта агрессии воздействия ситуационных факторов должны рассматриваться во взаимодействии с переменными индивидуальными различиями.

Например, одним из мощных факторов, детонирующих и провоцирующих агрессию, являются изображения насилия в средствах массовой информации, хорошо соразмеренные с агрессивными склонностями зрителей. Чаще всего исследователями поднимается вопрос, вызывающий серьезную полемику, особенно в публичных обсуждениях и среди ученых в сфере социальных наук и представителей медиа-индустрии. Основное внимание уделяется анализу следующих аспектов: а) рассмотрение имеющихся данных по общему вопросу о влиянии изображения агрессии в СМИ на повышенную агрессивность зрителей, особенно детей и подростков; б) исследование роли порнографии как фактора агрессии в целом и сексуальной агрессии в частности.

Впредь нас будут интересовать конкретные проявления агрессии в обществе в виде политических акций, влияющих на стабильность государства. Несмотря на общие механизмы, которые лежат в основе проявления агрессии во многих контекстах (например, имитация агрессивных ролевых моделей), для понимания различных форм агрессивного поведения требуются более конкретные объяснения. Так, для понимания коллективной агрессии существенное значение имеет динамика внутригруппового поведения и т.д.

Из таблицы следует, что обусловленные биологическими факторами формы агрессии определяются по-разному: этологическая определяется как продукт внутренней энергии, социобиологическая – как продукт эволюции, а генетико-поведенческая объясняется наследственной предрасположенностью. Все три фактора определены как устойчивые и не подвержены изменению. Тогда как все остальные, имеющие психологические объяснения, изменчивы.

Утверждение о стабильности при биологическом подходе звучит не так убедительно, так как противоречит первому закону термодинамики. Внутренняя энергия есть экспериментально измеряемая величина, в зависимости от условий подлежащая изменениям, что в конечном итоге вызывает неоднозначное значение внутренней энергии, а, следовательно, показатели агрессивности индивида есть также варьируемая функция. В данном случае она может выступать количественным и качественным показателем возбудителей агрессии, поступающих из различных источников, а W – показатель агрессивного поступка индивида, выраженный в единицах его вклада в общую копилку коллективного протеста.

Некоторые исследователи [3] считают, что серьезной проблемой анализа феномена политического насилия, равно как и значимой практической задачей, остается определение вероятности выбора индивидом тех или иных форм насильственных действий. В то время как теория фрустрации-агрессии способна адекватно оценить вероятный масштаб насилия, она не способна определить его вероятную интенсивность, а именно: латентное насилие, символические внесистемные действия («пропаганда делом»), террористические акты, массовые беспорядки, вооруженное восстание и пр.

Решение же проблемы выбора форм насильственных действий различной интенсивности предполагает выявление взаимосвязи между факторами индивидуальной мотивации и структурными факторами. Однако до анализа форм насильственных действий различной интенсивности попытаемся разобраться в некоторых особенностях индивидуальной мотивации, ведущих к агрессии.

Прежде всего, надо отметить, что фрустрационная теория агрессии подвергнута анализу как агрессия целенаправленного побуждения [4]. Представление о том, что в организме существует некая сила, которая со-

вместно с внешними событиями приводит к агрессивному поведению, было подтверждено влиятельным направлением исследований [5, 6], где в качестве мотивирующего агрессивное поведение фактора было заявлено агрессивное побуждение. В отличие от инстинкта, побуждение не является всегда присутствующим, постоянно возрастающим источником энергии, а активируется лишь тогда, когда организм оказывается лишенным средств удовлетворения насущной потребности. Таким образом, побуждение служит мобилизирующей силой, направленной на прекращение состояния лишения [6].

В первоначальном варианте гипотезы фрустрации-агрессии [7] агрессия объяснялась как результат побуждения, готового положить конец состоянию фрустрации, в соответствии с чем фрустрация определяется как внешнее вмешательство в целенаправленное поведение человека. Таким образом, переживание фрустрации вызывает желание агрессивных действий против источника фрустрации, и это, в свою очередь, выступает катализатором проявления агрессивного поведения.

Тем не менее очевидно, что не каждая фрустрация приводит к агрессивной реакции. Наоборот, индивид, испытавший фрустрацию, может ретироваться из ситуации или впасть в состояние депрессии. Показатель агрессивного поступка W есть функция ситуативного состояния индивида (агрессия индивида в возбужденном состоянии), при фрустрации $-X_k$ индивидуально-субъективного восприятия включающего потенциал депрессивности $(1 + \partial i)$. То есть

$$W = X_k - (1 + \partial i) 1.$$

Если $\partial i \leq 0$, то $W \approx X_k$, и индивид в своих поступках руководствуется только фактором, возбуждающим агрессию.

Усложнение наблюдается при наличии идеологических конструкций, устойчивых поведенческих ценностей и ряда других побочных субъективных факторов.

Известно, что агрессивные действия осуществляются ради достижения определенной цели, и не обязательно, чтобы нападение на старушку с целью ограбления было следствием предшествовавшей фрустрации. Поэтому преобразованное Миллером [8] предположение о наличии детерминирующей связи между фрустрацией и агрессией в новую вероятностную версию гласит, что «фрустрация создает побуждения разного типа реакция, одно из которых –

побуждение к какой-либо форме агрессии». Согласно этой скорректированной теории, агрессия – не единственная, а только одна из возможных реакций на фрустрацию. В зависимости от того, насколько агрессивный поступок уменьшает силу лежащего в его основе побуждения, он приобретает самоусиливающийся характер: повышается вероятность того, что последующие случаи фрустрации также будут сопровождаться агрессивной реакцией.

Приведет ли фрустрация к агрессивной реакции, зависит от влияния сдерживающих или активизирующих переменных. С одной стороны, страх наказания за открытое проявление агрессии или наличие условностей в поведенческих взглядах, с другой – недоступность источника фрустрации. Существование регуляторов, в одном случае, препятствуют развитию агрессии, а в другом – усиливают агрессию. Природа этих регуляторов такова, что зачастую эта агрессия «перемещается» от источника фрустрации к более легкодоступному или менее пугающему объекту. В результате проведенного исследования установлено, что имеет место смещение агрессии от источника фрустрации к менее сильному, более доступному объекту [9, pp. 670-689]. Примерно 49 случаев подтвердили данное предположение.

В отличие от факторов, подавляющих или смещающих агрессивные реакции на фрустрацию, есть также целый ряд предметов или символов, связанных с агрессией и выступающих активизирующими факторами. В упоминаемом исследовании Берковица и Ле Пажа [10] показано значение связанных с агрессией предметов как регуляторов связи фрустрация-агрессия. Люди, которые ранее испытали фрустрацию, воспроизводили большее количество электрических разрядов (как меру агрессии). Наличие ключевых раздражителей не оказывало никакого влияния на агрессивное поведение субъектов, которые предварительно не испытали фрустрации. Несмотря на то, что дальнейшие исследования не всегда приводили к аналогичным результатам, в целом имеются впечатляющие сведения, подтверждающие роль связанных с агрессией предметов в содействии агрессивному поведению.

Здесь нелишне вспомнить Зигмунда Фрейда [11], который утверждал, что в организме есть врожденный источник энергии, который производит постоянно агрессивные импульсы. Важно, что «эти импульсы могут проявлять себя как часть поведения в той или иной форме, хотя и не обязательно переходить к разрушительным действиям», в противном случае они приво-

дят к эмоциональным расстройствам. Стронником этой теории являются и Конрад Лоренц [12].

В свою очередь, фрустрация может провоцировать агрессивное поведение, стимулируемое агрессивными импульсами, которые создаются с помощью так называемой череды разочарований. Первоначально это вызывается фрустрацией в виде прерывания и срыва целенаправленной деятельности. Эта теория впоследствии была расширена, чтобы охватить все неприятные события, к которым люди испытывают отвращение (нападения, преследования, лишения и т.д.). Самое главное здесь в том, что потребность в агрессии создается извне. Стоит также отметить, что агрессивные импульсы, возникшие на базе разочарований, впоследствии не всегда исчезают – достаточно небольшой искры, и снова идет всплеск агрессии и ярости.

Карлсон, Маркус-Ньюхалл и Миллер [13, р. 632] делают вывод о том, что «связанные с агрессией предметы, наличествующие в экспериментальных условиях, усиливают агрессивные реакции». Таким образом, начав свое развитие как модель побуждений, гипотеза фрустрации-агрессии приобрела форму более сложного подхода, делающего упор на когнитивной оценке имеющихся в данной ситуации сигналов-раздражителей как важнейшем опосредствующем звене между переживанием фрустрации и агрессивной реакцией. Гражданское насилие может вспыхнуть в любом типе политической общности. Хорошим примером может служить насилие на футбольных полях: трагедии на стадионе «Лужники» (1982) или «Эйзель» (1985), беспорядки на Манежной площади в Москве (2002) и т.д. Новости из футбольной Варшавы 12 июня 2012г. напоминали сводки военных новостей: больше сотни задержанных, десятки раненых, беспорядки по всему городу. Тысячи российских болельщиков, приехавших поддержать сборную России, и подумать не могли, что с ними может такое произойти. Первые оскорбления на головы российских болельщиков посыпались еще до того, как был дан старт к согласованному с польской стороной шествия к Национальному стадиону. Организаторы марша обещали собрать 5 тысяч человек, власти Варшавы стянули 6 тысяч полицейских в тяжелом обмундировании, но даже это не смогло остудить пыл польских ультрас. Если судить по турнирной таблице, то ничья устраивала обе сборные: Россия по-прежнему осталась на первом месте в группе, а Польша получала шанс занять второе и также выйти в четвертьфинал. Но

больше всех результату должны были быть рады, пожалуй, власти Варшавы: победа дружбы вселяла надежду на то, что ночь будет спокойной.

Но не тут-то было. На выходе с того же самого моста, по которому российские болельщики пришли на стадион, их уже ждали. Группа из нескольких десятков футбольных хулиганов в капюшонах и масках ворвалась в толпу наперерез. Свои мишени нападавшие опознавали по символике и флагам. Поляков не трогали, зато россиян окружали – по десять человек на одного – и забивали ногами, как можно быстрее, пока не среагирует полиция. Чтобы добраться до места происшествия, спецназу понадобилась пара минут, но было уже поздно: большинство молодчиков успели скрыться. Столкновения в Варшаве называют самыми масштабными в истории футбольных турниров с чемпионата мира 1998г., когда английская молодежь устроила массовые драки в Марселе. Определить точное число пострадавших было невозможно: не все стали обращаться за срочной медицинской помощью, а аресты продолжались всю ночь. Националистические выкрики, разрывы петард и сирены не утихали в центре Варшавы до утра.

Бесспорно, что в этом случае в основе насильственных актов лежала не только слепая психологическая ярость и агрессия футбольных фанатов, но и скрытые этнополитические мотивы. Тем более что были выявлены группы молодых людей, действующих заведомо подготовленными методами.

Причины и процессы политического насилия представляют собой специфическую форму отклика на особые условия политических взаимоотношений между субъектами общества, государственной властью и обществом, различными этническими группами, а также государствами. Предрасположенность к политическому насилию зависит от того, насколько грубо общество нарушает ожидания людей относительно целей и средств их действий – в том смысле, в каком они ожидают этого от своего общества. Это недовольство можно смягчить с помощью социально насаждаемых аттитюдов, которые осуждают насилие, направленное на политическую систему. Эти аттитюды могут извлекаться из соответствующих доктрин и опыта, который предлагает свою оправданность и полезность. Гражданское насилие может вспыхнуть в любом типе политической общности. С наибольшей вероятностью оно возникает в тех обществах, которые полагаются на подавление для поддержания порядка, вместо того чтобы обеспечить адекватные паттерны ценностно-

удовлетворяющего действия. Использование насилия для обслуживания любой коллективной цели имеет тенденцию вызывать антагонизм и увеличивать сопротивление тех, против кого оно направлено, – этот принцип применим к политическим элитам, равно как и к тем, кто им противостоит. И напротив, если неудовлетворенные люди получают в свое распоряжение конструктивные средства для достижения своих социальных и материальных целей, лишь немногие из них прибегнут к насилию. Вероятно, только те, кто уже разъярен, предпочтут насилие, несмотря на доступность эффективных ненасильственных средств для удовлетворения своих ожиданий.

В своем выступлении на национальном стратегическом форуме в Чикаго в мае 1988г. Джеймс Дер Дериан [14] отметил, что проблема политического насилия является самой нерешенной проблемой в международных отношениях. И что с 1978г. – со времени появления в новостях фотографий похищенного итальянского премьера Альдо Моро под знаменем Красных бригад и до видеозаписи убийства в 1989г. подполковника Уильяма Хиггинса Организацией угнетенных народов земли – терроризм удостоивается большого внимания общественности и комментариев СМИ, но не научного анализа. Именно период после 1980-х гг. отмечается ростом террористических актов, распространением террористических учений и усилением риторики президента США, хотя терроризм столь же мало поддается пониманию, сколько и коррекции. Автор считает, что даже при достаточности интеллектуальных усилий, при развертке проблемы терроризма в СМИ, в научной сфере и т. д. проблема политического насилия, проблема терроризма во всем мире увеличивается, Мы же, дополняя сказанное, можем констатировать, что проблема насилия во всем мир в целом и, в частности, политическое насилие приобретает формы нелинейной прогрессии, захватывая все более разнообразные области жизни человечества. Анализируя основные подходы к исследуемой проблеме, мы видим, что они в основном исследуют психологические и организационные стороны терроризма, такие как фанатизм, непредсказуемость, извращенные приемы и т.д., приводящие к созданию различных моделей насилия – можно сказать, комплексным и более изощренным. Но есть непрофессиональные и однотипные модели насилия, которые в основном популярны среди журналистов и литераторов, и нацелены на поиск «невидимой руки», снабжающей и контролирующей терро-

ризм. С другой стороны, отмечают сторонники теории заговора, которые видят за каждым Карлосом, Аджидом, Абу Нидалом (или любым из последних примеров терроризма) Советский Союз, Ливан, Иран (или иные страны-изгои), выступающих в роли мировых террористических центров. Где-то между этими двумя лагерями располагаются либеральные комментаторы, изучающие особенности демократии с ее неприязнью к использованию неприкрытой силы и ограничению СМИ, а также с системой сдержек и противовесов, которая делает ее привлекательной, но беззащитной целью для терроризма. В целом, наиболее проникновенно относящиеся к различным религиозным, социальным и экономическим причинам терроризма теоретики не уверены, к каким средствам лучше прибегнуть – улучшению правоохранительных систем или избирательному использованию антитеррористических сил. Рассматривая причины неудач борьбы с терроризмом, автор достаточно объективно отмечает, что, несмотря на все научные, профессиональные и журналистские усилия 80-х гг. (да и после), никто не приблизился к созданию общей теории терроризма. Но создание приемлемого для всех плана искоренения терроризма, кажется, все более и более отдалается. Безусловно, в этом виноваты не только «специалисты по террору». Автор [14] объективно замечает, что способность мыслить и выносить суждения относительно терроризма пострадали от разрушительной смеси официального оппортунизма, шумихи в прессе и публичной истерии. Неотъемлемая связь между отдельными исследованиями и выработкой политических решений истончилась, как предохранительная проволока, готовая взорваться от одной угрозы террористической атаки. И политически выгодно и просто выявить конкретных лиц, ответственных за такое положение дел. Кандидатами на роль виновных могли бы стать бесхарактерные политические лидеры, озабоченные собственными прибылями медиа-магнаты, а между ними придворные аналитические центры. Но такая оценка вины всего лишь копирует ту модульную структуру террористического своеобразия, которая неизменно присутствует в любых попытках осмыслить терроризм.

К сожалению, автор прав насчет шумихи в прессе и публичной истерии. Особенно, на наш взгляд, все намного усугубляется тем, что при освещении такой глобальной проблемы, как борьба с терроризмом, политическим насилием и т.д., в СМИ учитываются только сиюминутные коммерческие, а в луч-

шем случае – политические или экономические интересы. Такой подход зачастую провоцирует дальнейшую эскалацию насилия и терроризма. Чтобы убрать пессимистический настрой по отношению к роли науки в разработке тактики и стратегии борьбы с терроризмом и насилием, вопрос глобальной борьбы с терроризмом и политическим насилием, безусловно, нужно поднять на новый уровень политического понимания проблемы, при котором до декларирования желания «давайте жить дружно!» должны быть задействованы серьезные и обстоятельные исследования в интеркультурологической, этнопсихологической, этнополитической, межрелигиозной, глобализационной, геополитической, мегатрендовой и других сферах. При отсутствии фундаментальных, хорошо проработанных научных подходов решение тех или иных проблем этнического, религиозного, социального, политического профиля, вызывающих протест, агрессию, переходящих в террор и насилие у разных национальных формирований, государств, какими бы идеологическими колпаками ни прикрывались они, обречено на неудачу. Вот в этом случае и возникает необходимость поиска виновных. Тут не далеко и до тех, кто может «погреть руки» в своих коммерческих и политических интересах. Например, развить с помощью различных полит- и медийных технологий конфликты, междоусобицы, террор и насилие.

Разноплановый подход к объяснению политического насилия неоднократно подтвержден привлечением множества разнообразных свидетельств – теоретических и эмпирических, точных и основанных на впечатлениях, психологических и социальных.

На основе сравнительного исследования в будущем можно было бы более точно оценить относительные веса переменных и природу их взаимосвязей. Например, из психологических данных можно сделать вывод, что потенциал коллективного насилия – это скорее энергетическая, нежели линейная функция интенсивности. Оценивая применительную важность каждой из независимых переменных, можно заключить, что их связи с непосредственно зависимыми переменными носят либо прямолинейный, либо нелинейный характер. А научно-обоснованный анализ и формулирование предполагаемых отношений и взаимосвязей помогут интегрироваться в доказательные модели политического насилия. Кроме того, эти модели хорошо интегрируются с такими каузальными моделями, которые в дальнейшем

можно применять в качестве экспертных оценок. Дифференциация каузальных моделей обнаруживает детерминанты каждой из трех первичных переменных в базовой теоретической модели политического насилия.

1. Потенциал коллективного протеста.
2. Потенциал и величина политического насилия.
3. Эмпирические модели процесса политического насилия.

На основании взаимосвязей между независимыми переменными выводятся простые модели процесса политического насилия. При этом вполне закономерно, что по ходу анализа многие заключения будут носить абстрактный характер. Но это не исключает возможности применения процесса моделирования, чтобы в общих чертах набросать оптимальные стратегии для достижения трех типов социальных целей:

- а) поддержание политической стабильности,
- в) избежание генерации насильственной революции и максимизации санкций государства, удовлетворяющих недовольные группы,
- г) полное истолкование причин и последствий насилия.

Сентябрь, 2012г.

Источники и литература

1. *Гарр Т.Р.*, Почему люди бунтуют. – СПб. Питер, 2005
2. *Крэйхи Б.*, Социально психологическая агрессия – СПб.: Питер, 2003.
3. *Аверьянов А.М.* (ред.и сост.), Политология. Энциклопедический словарь. – М.: Publishers, 1993.
4. *Вебер М.*, Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
5. *Доллард Дж. и др.*, Гипотеза фрустрации-агрессии. 1939.
6. *Пиджаков А.Ю., Решецкий Ф.Н., Байрамов Ш.Б.*, Понятие и сущность категории политическое насилие. Теоретический журнал CREDO NEW. 2012- №2011.
7. *Нюбер С.Л.*, Истоки раздражения и агрессии. Arizona State University (цит. по «Элитариум»). – СПб., 2006.
8. *Miller N.*, The frustration-aggression hypothesis // Psychological Review, 1941, №4. p. 338.
9. *Markus-Newhal, Pedersen, Carlson and Miller*, Journal of Personality and Social Psychology. 2000, Vol. 78, №4.
10. *Берковиц Л.*, Агрессия: причины, последствия и контроль, 1987.

11. *Freud S.*, Das Unbehagen in der Kultur Verlag L., 1930.
12. <http://www.ozon.ru/context/detail/id/123066/>" *Лоренц К.*, Агрессия. – «Амфора», 2001.
13. *Carlson, Marcus-Newhall and Miller*, Journal of Personality and Social Psychology 1990.
14. *Der Derian J.*, Critical practices of international theory. Selected essays. – NY, 2009.
15. *Brian J.*, International Terrorism: The Other World War. – Santa Monica, CA: Rand, 1985.

**PROBLEMS AND FORMS OF ACTS
OF VIOLENCE OF DIFFERENT INTENSITY
(the concept of non-linear development of political violence)**

Arman Martirosyan

Resume

Political violence is episodic in the history of most organized political entities and chronic in many other societies. None of the countries of the contemporary world has been delivered from it over a period of more than one generation. But it is not an inescapable manifestation of a human nature and inevitable cause of existence of political entity. It is rather a kind of specific response to special conditions of social being. It is rather about capabilities people possess than their needs that cause violence, which is biologically inherent in people. Propensity for political violence depends on how rude the society violates expectations of people concerning goals and means of their actions in the sense they expect it from their society.

The scale of political violence is formed firstly by the level of ability of the authorities to eliminate discontent within the framework of conventional forms of political involvement and organizational abilities of the opposition to attach violence to their actions. Here the connection between individual factors of motivation and structural factors is of great importance. But in order to understand connections between individual factors of motivation and structural factors we should first study out some peculiarities of social psychology of political aggression.